

не стремятся къ побѣдѣ, но знаютъ лишь о томъ только, чтобы жить имъ по-Божьи, правду любить и въ жизнь проводить тѣ святыя начала, кои заложены въ природѣ людей. Русскій народъ оттолкнется отъ первыхъ, пойдетъ за вторыми. Русскій народъ не измѣнитъ тѣмъ вѣковымъ, тѣмъ исконнымъ началамъ, которыми жилъ онъ, исполняя Божій законъ. Тотъ успѣхъ, то ликованіе, кои Богу противны, порождаютъ въ насъ одно отвращеніе. Намъ ненужны негодныя средства; зло и неправда пусть будутъ не нашимъ удѣломъ. Мы не измѣнимъ правдъ святой. Мы стоимъ за священное дѣло. Съ нами Помазанникъ Божій, съ нами Верховнѣйшій Вождь. И въ этотъ священнѣйшій часъ съ чувствомъ великимъ, благоговѣйнымъ, когда приспѣлъ день свѣтлаго торжества, когда насталъ день Тезоименитства Монарха нашего, когда Русь святая въ молитвенномъ восторгѣ къ престолу Всевышняго возноситъ молитвы за Царя своего, и намъ, здѣсь стоящимъ, остается одно лишь—отъ сердца, отъ души воскликнуть къ Всещедрому Богу: Господи! Спаси Царя и вознеси рогъ Помазанника Твоего!

А. Куляшевъ.

„Блаженная Парасковія Ивановна“.

(Паша Саровская).

„Не печытеся душею вашею, что ясте или что пиете, ни тѣломъ вашимъ во что облечетеся; не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды“. (Матѳ. VI, 25).

22 Сентября 1915 года, въ 2 часа 30 минутъ дня, тихо-точно естественнымъ сномъ—уснула смертью великая современная подвижница подъ сѣнью Дивѣевской иноческой обители, дѣвица преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца. Свѣтло горящая свѣча догорѣла. Отошла въ иной міръ праведная душа, жившая духомъ Божиимъ.

Дивѣво погрузилось въ глубокую печаль, тяжелая вѣсть, передаваясь изъ устъ въ уста, повсюду вызывала единодушныя слезы, общее горе. Всякій кто видѣлъ ея, кто слышалъ о ней, у тѣхъ великой скорбью отзовется эта вѣсть. Имя почившей было близкимъ русскому народу на всемъ необъятномъ пространствѣ русской земли, ибо знали и слышали о ней, повсюду и до далекой Сибири и дальнихъ морей, куда богомольцами занесены трогательные рассказы о блаженной Пашѣ Саровской.

Тотъ же, кто лично посѣщаль эту рѣдкую въ наше время праведницу, для которой уже весь міръ былъ чуждъ, тотъ испыталъ на себѣ ея прозорливость, будетъ твердо вѣрить, что душа ея вошла въ радость Господа своего, гдѣ и обрѣла вѣчный покой. Цѣлыя десятилѣтія ея проводились въ великихъ подвигахъ, трудахъ, искушеніяхъ, болѣзняхъ, въ напреженіи силъ, бессонныхъ ночахъ и тревогахъ. Своею самоотверженною жизнью, своими дѣлами любви, своей молитвою она создала Дивѣву новую славу, новую духовную связь, а русскому народу сослужила великую службу. Ея скромная могила хотя скрыла отъ взора людского ея наружный видъ, но ея нравственный обликъ будетъ сіять во всемъ ея величїи и самая могила ея станетъ народной святыней.

Почившая приняла на себя подвигъ юродства о Христѣ, этотъ труднѣйшій и великій подвигъ изъ любви къ Богу и ближнимъ. Она, одушевляемая Духомъ Божїимъ, добровольно отrekлась при внутреннемъ самосознаніи отъ нормальнаго человѣческаго разума, показывая себя безумной. Она сознательно себя считала странницей на землѣ, не имѣя здѣсь ни пристанища ни радостей земныхъ, надѣясь получить гражданство и радость въ небесномъ отечествѣ. Своею жизнью и поступками не всѣмъ понятными она служила для своихъ современниковъ надпоминаніемъ о главной цѣли жизни человѣка на землѣ, однихъ рѣзко обличая, другихъ утѣшая, а иногда предсказывая будущее, по данному ей отъ Бога дару прозорливости. Жизнь многолѣтняго скитальничества, усѣянная всевозможными лишеніями, довела духъ ея до высокаго совершенства. Она была добровольной мученицей, всегда умирающей для міра, плоти и діавола, ради царства небеснаго. Насколько высокъ этотъ подвигъ, настолько требуетъ внимательной осторожности, дабы не быть обольщенной коварными злоухищреніями діавола. По этому она приняла на себя этотъ подвигъ не самовольно, а по особому указанію Божію и благословенію духовныхъ старцевъ подвижниковъ. „Юродство—значить собственно безуміе,—юродство о Христѣ представляетъ собою особый, высшій видъ христіанскаго подвижничества.

Одушевляемые горячею ревностію и пламенною любовію къ Богу, юродивые Христа ради, не довольствуясь всѣми другими лишеніями и самоотверженіями, отреклись отъ самого главнаго отличія человѣка въ ряду земныхъ существъ—отъ обычнаго разума, добровольно принимая на себя видъ безумнаго человѣка, не знающаго ни приличія, ни чувства стыда,—дозволяющаго себѣ иногда, повидимому соблазнительныя дѣйствія. При полномъ самосознаніи, представляясь умалишенными, юродивые Христа ради подвергались непрестаннымъ оскорбленіямъ, были почти всѣми оставлены и отвержены; живя въ обществѣ, они были не менѣе одиноки, какъ и живущіе въ дикихъ пустыняхъ. Отказавшись совершенно отъ всякой собственности, всѣхъ удобствъ и благъ жизни, свободные отъ всякихъ привязанностей къ земному, не имѣя опредѣленнаго пристанища и подвергаясь всѣмъ случайностямъ безпріютной жизни, эти избранныки Божіи были какъ бы пришельцами изъ другого міра. Пища, одежда, казалось, не составляли для нихъ существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. При всемъ томъ юродивые сохраняли всегда возвышенный духъ, непрестанно возводили очи ума и сердца своего къ Богу, постоянно горя духомъ предъ Нимъ. Перенося безвинно столько оскорбленій и лишеній, они были чужды и духовной гордости, считая себя великими грѣшниками. Юродство Христа ради—это произвольное, постоянное мученичество, постоянная борьба противъ себя, противъ міра и діавола, и при томъ борьба—самая трудная и тяжелая. Лишенные, повидимому, простого здраваго смысла человѣческаго, юродивые совершали однако такіе гражданскіе подвиги любви къ ближнимъ, какія недоступны другимъ людямъ. Не стѣсняясь говорить правду въ глаза никому, они своими словами или необыкновенными поступками то грозно обличали и поражали людей несправедливыхъ и грѣшныхъ, часто могучихъ и сильныхъ міра, то радовали и утѣшали людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Юродивые нерѣдко вращались среди самыхъ порочныхъ членовъ общества, съ цѣлью исправить ихъ и спасти, и многихъ изъ таковыхъ отверженныхъ возвращали на путь истины и добра. Имѣя даръ предсказывать будущее, они молитвами своими нерѣдко избавляли согражданъ отъ грозившихъ имъ бѣдствій и отвращали отъ нихъ гнѣвъ Божій. При всей трудности, подвигъ юродства требовалъ отъ святыхъ подвижниковъ и высокой мудрости, чтобы безславіе свое обращать во славу Божію и въ назиданіе ближнимъ, не допуская въ смѣшномъ ничего грѣховнаго, въ кажущемся неблагопрістойномъ ничего соблазнительнаго, или обиднаго для другихъ. Первые подвижники юродства о Христѣ являлись

весьма рано, въ колыбели первоначальнаго иночества—Египтъ, во второй половинѣ IV вѣка.*)

Для современныхъ людей западнаго міровоззрѣнія юродство вообще кажется излишнимъ и подвигъ юродивыхъ безсмысленнымъ. Но эти люди смотрятъ такъ потому, что сами удалились отъ Бога и не принимаютъ того, что отъ Духа Божія. Истинный христіанинъ совершенно иного взгляда на труднѣйшее подвижничество—юродство. Онъ знаетъ смыслъ этого подвига, его особенную возвышенность и трудность, его пригодность для достиженія высшаго нравственнаго совершенства, сообразность его съ христіанскимъ ученіемъ и съ природой человѣка и благотворное вліяніе юродивыхъ на окружающихъ.

Если раскроемъ, въ частности, психологію юродства, то мнимое безуміе юродивыхъ не есть всецѣлый отказъ отъ своего ума, но вся дѣятельность ихъ направлена на то, что относится къ самому существу дѣла спасенія—къ достиженію богоподобія и богообщенія. Всѣ же земныя попеченія, юродивыя считали для себя излишними и не заботились о нихъ. Въ виду сего, обычный виѣшній порядокъ жизни юродивыхъ не походилъ на жизнь обычныхъ людей, которые и считали его безуміемъ. Но люди истиннаго христіанскаго разума въ такомъ поведеніи юродивыхъ не находили ничего не сообразнаго съ природой человѣка, такъ какъ всякій человѣкъ предназначенъ Богомъ для жизни небесной и земная жизнь является временной подготовкой къ будущей вѣчной жизни на небѣ. Поэтому они смотрятъ на юродство какъ побужденіе къ возвышенію надъ земными условіями жизни и стремленіе къ всецѣлому и ничѣмъ неразвлекаемому сосредоточію ума на мысли о Богѣ. Они знаютъ, что юродивые показываютъ себя предъ людьми не таковыми, каковы они на самомъ дѣлѣ, то это они дѣлаютъ по смиренію и изъ боязни, дабы обнаруживая свои добрыя дѣла, не впасть въ гордость, которая есть самая опасная болѣзнь души. Противъ обвиненія юродивыхъ въ томъ, что они своими странными поступками вызываютъ соблазнъ, то на это мы скажемъ, что соблазняться жизнью юродивыхъ, осуждать и насмѣхаться надъ ними могутъ только люди худые и неразумные, такъ какъ юродивые представляются лишенными ума, а къ таковымъ страдальцамъ добрый человѣкъ всегда отнесется съ состраданіемъ и сочувствіемъ. Плохой же человѣкъ къ таковымъ страстотерпцамъ оказываетъ глумленіе и презрѣніе. Когда слѣпоствующіе скептики не признавали Госпо-

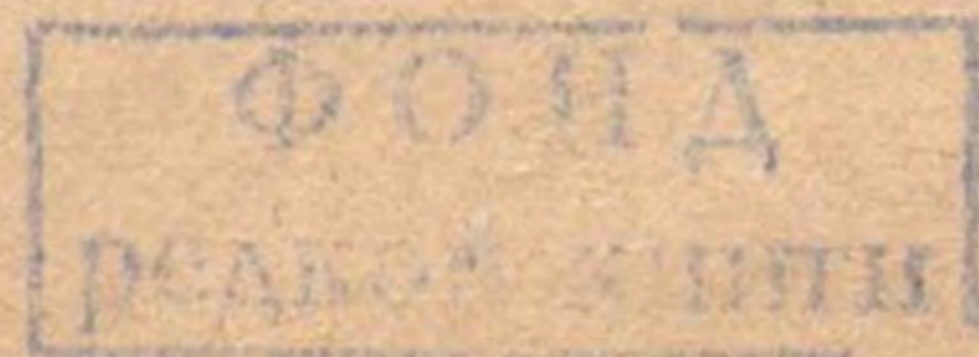
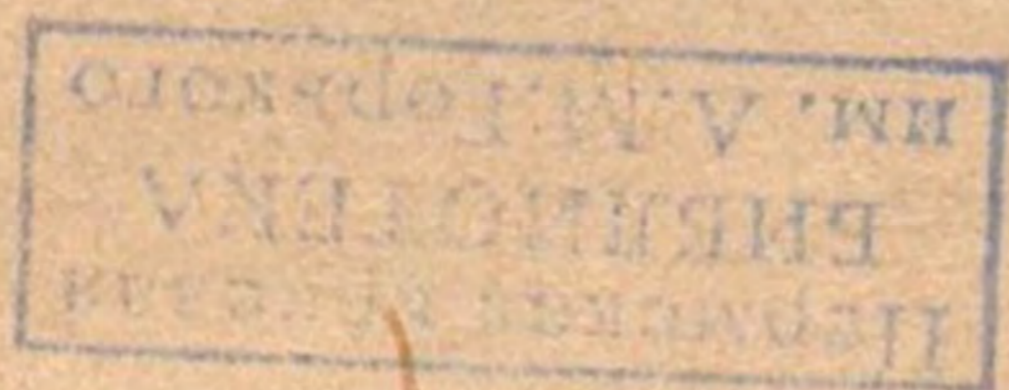
*) Чет. Мин. Октябрь, стр. 55.

75/99

да, творившаго великія чудеса, то также бываетъ и съ вѣрными Его рабами, которые не смотря на то, что имѣли обиліе дѣйствовавшей въ нихъ благодати Божіей не были признаваемы за сосуды божественной благодати были осуждаемы, находясь у таковыхъ скептиковъ въ презрѣніи и поношеніи. Юродивые всю свою земную жизнь стремились къ міру духовному и божественному, непрестанно желая и жаждая живѣйшаго общенія съ горнимъ міромъ, непрестанно стремясь войти туда, „идеже естъ Христосъ одесную Бога“ *), горняя мудрствовали, а не земная. Они ненормальностью своихъ дѣйствій вливали въ погрязшій въ грѣхи духъ міра, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ строго благодатной духовной жизни. Конечно, нужно различать истинныхъ юродивыхъ отъ мнимыхъ юродивыхъ, прельщенныхъ и обманутыхъ діаволомъ. Многіе вступаютъ на этотъ путь по своей волѣ, но совершаютъ его только избранники Божіи. По этому опытные духовные старцы должны съ большой внимательностью прослѣдить жизнь и дѣла таковыхъ и отличить истинныхъ рабовъ Божіихъ отъ прельщенныхъ мнимо-юродивыхъ, первымъ воздать дань справедливой хвалы, опредѣлить ихъ значеніе и важность подвижническихъ трудовъ, а остальныхъ вразумить и привести въ самопознаніе. Во всякомъ добромъ дѣлѣ бываетъ поддѣлка подъ истинную дѣйствительность, такъ и въ юродствѣ бываютъ люди не искренніе, а только поддѣльные подъ подвигъ юродства, но чрезъ это истинные юродивые подвижники святости своего подвига не теряютъ. Долгъ истинный христіанской справедливости требуетъ серьезнаго разбора, дабы надъ уровнемъ людей не возвышались личности далекія отъ благодати Святого Духа, ибо они могутъ направить человѣчество туда, куда не нужно. Личности же достигшіе духовнаго совершенства, съ какими обитаетъ благодать Духа Божія, должны быть выдѣляемы, дабы всѣ знали, что слово ихъ истинно и свято, ученіе право. О таковыхъ человѣчество должно съ благоговеніемъ сохранять воспоминаніе и чтить память ихъ, какъ принесшихъ народную пользу. Эти люди являются тѣмъ святымъ сѣменемъ **), которымъ держатся царства и народы. Они являются человѣчеству вождями въ правственной жизни, указывающіе ему путь, куда надо идти, обличающіе безъ страха не взирая на лица и положеніе. Подвигъ юродства есть всегдашнее мученичество, требующій великаго терпѣнія, внимательной бдительности надъ собой, чтобы живя среди бурныхъ волнъ житейскаго моря, сохранить душу и тѣло отъ грѣха. Истинные юродивые подвижники, несмотря на свое ма-

*) Колос. 3, 1—2.

**) Исаи VI, 13; 53, 10; Осія 2, 23; Захар. 8, 12.

лое положеніе въ мірѣ, приносили и приносятъ большую пользу окружающимъ ихъ. Они своимъ самоотверженнымъ примѣромъ постоянно воодушевляютъ въ дѣлѣ нравственнаго самообразованія человѣчества, возбуждаютъ людей къ перевѣсу духа надъ плотію, къ стремленію вѣчному, небесному. Истинные юродивые подвижники еще при жизни своей, помимо своей воли почитались вѣрующимъ народомъ и по отшествіи изъ этого міра не умерли безслѣдно, память оныхъ въ народныхъ сердцахъ не изглаживается. На ихъ жизнь обращало вниманіе послѣдующее потомство, изучало ее, какъ образецъ духовнаго совершенства. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на вѣрныхъ путеводителей къ небу.

Настоящая наша задача, прослѣдить шагъ за шагомъ нравственное развитіе современной юродивой—подвижницы Парасковіи Ивановны, прозванной народомъ „Цашей Саровской“. Мы постараемся изобразить не только ея душевный портретъ, ея дѣянія и жизнь, но и среду въ которой она жила и то вліяніе, которое она оказывала на среду. Вообще насколько представляется возможнымъ обрисовать нравственную личность ея возможно яснѣе и отчетливѣе, описать тотъ путь съ начала до конца, по которому она шла сначала робко, а потомъ смѣло и твердо къ намѣченной цѣли.

Парасковія Ивановна, въ міру Ирина, родилась въ селѣ Никольскомъ, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Родители ея были крѣпостные крѣстьяне господъ Булыгиныхъ Иванъ и Дарья, имѣя кромѣ ея еще трехъ сыновей и одну дочь. Ирина 17 лѣтъ, противъ ея желанія была выдана въ замужество за мѣстнаго крестьянина Θεодора. Съ сердечной болью повиновалась Ирина волѣ родительской и барской, ибо она думала о жизни другой. Хотя по своей неразвитости еще мало понимала о духовной жизни, но душа ея противъ ея воли стремилась къ ней. Видимо на ней почивала благодать Божія. Мужъ Ирины былъ также религіозный и они въ семейной жизни жили согласно. Любили Ирину и семейные мужа, ибо она отличалась кротостью, смиреніемъ, услужливостью, почтительностью, трудолюбіемъ, религіозностью, избѣгая хожденія по гостямъ и деревенскимъ увеселеніямъ. Свободное время старалась проводить въ молитвѣ. Въ такой спокойной семейной жизни прошло 15 лѣтъ и Господь по Своему провидѣнію не благословилъ Ирину дѣтьми. Послѣ сего послѣдовало этому семейству тяжелое испытаніе. Господа Булыгины ихъ продали помѣщику нѣмцу лютеранину Шмидтъ, въ село Сурконь, отличающемуся своей суровостью и не расположеніемъ къ людямъ религіозно настроеннымъ. Такое переселеніе и въ особенности жестокое обращеніе новаго помѣщика сильно отразилось на

здоровье мужа Ирины Θεодора. Проживъ на новомъ мѣстѣ пять лѣтъ, онъ заболѣлъ чахоткой и померъ. Тяжело было переносить испытанія и бѣдной Иринѣ, а въ особенности громовымъ ударомъ отразилась на ней преждевременная смерть мужа. Но глубокая религіозность и вѣра въ Промысль Божій облегчаютъ ея горе и спасаютъ отъ отчаянія. Не успѣла еще Ирина успокоиться отъ тяжелаго пережитаго горя, на ея голову обрушивается новое испытаніе. Суровые господа Шмидтъ стали принуждать подневольную Ирину вновь выйти въ замужество, но она безбоязненно и рѣшительно сказала: „хоть убейте меня, а замужъ больше не пойду“. Гордымъ и надменнымъ господамъ непріятнымъ былъ такой отказъ, они въ душѣ своей затаили свою злобу, но видя ея рѣдкое трудолюбіе и честность не захотѣли отпустить отъ себя, а поручили наблюдать за домомъ. Проходить 1¹/₂ года и новая бѣда стряслась надъ бѣдной Ириной. У господъ пропали два холста. Господская прислуга, не любившая Ирину за ея религіозность и неподкупную честность, оклеветала ея, что якобы холсты украла Ирина. Господа затаившіе въ себѣ злобу на Ирину за неисполненіе ихъ воли, легко повѣрили гнусной клеветѣ и воспользовались случаемъ сурово наказать невинную Ирину. Судъ и расправу въ то время безсердечные и безбожные помѣщики производили жестоко и сурово. Отличались этимъ господа Шмидтъ. Они призвали станового съ солдатами и приказали жестоко наказывать несчастную страдальцу Ирину. Солдаты звѣрски ее били, истезали, пробивали ей голову, порвали уши. Ирина призывая помощь Божію, мужественно перенесла это тяжелое испытаніе. Вскорѣ послѣ сего были холсты найдены въ рѣкѣ, украденные другой женщиной и брошенные ей въ рѣку. Эта несправедливость и безчеловѣчная жестокость отразились на душѣ Ирины и дали сильный толчекъ къ разрыву съ суетнымъ міромъ. Трудно описать перомъ ея душевное состояніе въ этотъ моментъ. Она стотерпица труда безпросвѣтнаго, отчаялась видѣть здѣсь справедливость и правду, которая по ея мнѣнію была только у Бога, кроткаго, любящаго, справедливаго. Послѣ этого для Ирины міръ съ его злобою, ненавистью, неправдой сталъ ничего нестоящимъ. Она уже не была въ силахъ жить у несправедливыхъ господъ „безбожниковъ“ и собравшись духомъ тайно ушла въ Кіевъ. Здѣсь въ угрюмыхъ пещерахъ, при нетлѣнныхъ мощахъ св. подвижниковъ она немного успокоилась и духомъ отдохнула. Боголюбивые старцы умиротворили ея смущенную душу. Забылась она на время, что можетъ съ ней быть новая бѣда горше пережитой. Между тѣмъ господа Шмидтъ разразились сильнѣйшимъ гнѣвомъ къ бѣжавшей Иринѣ и

всюду разослали розыски для обнаруживанія мѣстопробыванія смѣлой бѣг-лянки. Проходитъ со дня побѣга $1\frac{1}{2}$ года и Ирину полиція нашла; взяли несчастную женщину, посадили въ тюрьму и не спѣша препроводили этапомъ къ помѣщику. Трудно себѣ представить всего ужаса, который испытала бѣдная Ирина въ тюрьмахъ и при этомъ слѣдованіи. Въ тюрьмѣ приходилось находиться вмѣстѣ съ развращенными арестантами и что только она здѣсь не перенесла. Ангелъ Божій былъ неотступно съ ней храня ея нравственную чистоту, подкрѣпляя и воодушевляя въ перенесеніи непосильнаго испытанія. При слѣдованіи отъ тюрьмы до тюрьмы на рукахъ ея были надѣты желѣзные наручники, которые зимою обмораживали руки и до крови растирали ихъ. Богъ помогъ Ирину перенести тяжелое испытаніе, которое послужило для нея закалкой къ будущимъ подвигамъ, которые ей готовились Провидѣніемъ.

Когда бѣдную Ирину, измученную, истерзанную душою и тѣломъ привели къ господамъ „нехристямъ“, то ихъ грубое сердце создало свою безчеловѣчную жестокость и выразило состраданіе къ несчастной женщинѣ. Сама человѣческая природа пробудила ихъ грубую совѣсть, которая противъ ихъ воли чувствовала свою вину и побуждала загладить свою жестокость. Господа простили Ирину и сдѣлали ее огородницею. Но Ирина возвратилась изъ Кіева уже не съ прежнимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ душѣ ея произошла отъ пережитыхъ страданій, несправедливости и полученія сердечной теплоты у кіевскихъ старцевъ-подвижниковъ, внутренняя перемѣна. Она безповоротно рѣшила оставить міръ и людей, потерявшихъ честность, порядочность и справедливость. Въ ея сердцѣ жилъ одинъ Богъ, которому всецѣло предалась. Хотя она усердно работала въ огородѣ господѣ, но сердце ея горѣло любовью къ духовной жизни и укрѣплялось воспоминаніями о Кіевѣ, о пещерахъ, угодникахъ Божіихъ и о духовномъ отцѣ-старцѣ. Прошло два года, и Ирина вторично скрывается отъ своихъ господъ. Любовь къ духовной жизни взяла перевѣсъ, не страшны сдѣлались пережитые ужасы въ тюрьмахъ и шествіи по этапу. При невидимой помощи Божіей Ирина Христовымъ именемъ добралась до Кіева, гдѣ въ горькихъ слезахъ выплакала все свое горе. Духовные старцы утѣшили ее и укрѣпили на предлежащій подвигъ. Въ этотъ разъ она въ Кіевѣ тайно постригается въ монашество съ именемъ Парасковіи*) и получила благословеніе отъ старцевъ на подвигъ юродства. Ей въ это время

*) Поэтому Ирина и называла себя Парасковіей или Пашей.

было 42 года. Укрѣпленная помощью Божіей и наставленіемъ духовныхъ старцевъ она уже не боялась ни тюрьмы ни этапа, а всецѣло предалась въ волю Божію, готовая ради Его на всякія страданія. Теперь для Ирины не были страшны ни жестокіе господа, ни нищета, ни ссылка, ни самая смерть. Она запомнила слова св. пророка Давида: „Господня земля и исполненія ея по вселенной“. (Псал. 23, 1). Всюду гдѣ бы я не была, думала она, будетъ со мною Жизнодавецъ Христосъ, которому я отнынѣ предалась, а потому и никакія испытанія для меня не страшны. Не боялась она и лишиться своего имущества, котораго не имѣла, помня слова Апостола: „Ничтоже бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко изнести что можемъ“. (Тим. 6, 7). Ничего съ собой не возьму, думала она, когда пойду своимъ тѣломъ въ мрачную могилу. Смѣло смотрѣла она и на самую смерть, помня слова Апостола, сказанныя ей старцемъ: „Мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе. (Римл. 1, 21).

Игуменъ Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По молитвамъ св. Ермогена и Іоасафа.

„Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ!— пишетъ въ Бѣлгородскій Свято-Троицкій монастырь изъ дѣйствующей арміи одинъ изъ нашихъ воиновъ.—Хотя я нахожусь и въ далекомъ чужомъ краю, но не могу умолчать про чудеса святителя Іоасафа бѣлгородскаго. Дѣло было такъ: 14 февраля с. г. нашъ баталіонъ находился на передовой боевой линіи въ окопахъ, напротивъ австрійскихъ окоповъ въ 600 шагахъ. Непрiятель открылъ по нашимъ окопамъ убійственный артиллерійскій огонь. Мы ему не отвѣчали. За блиндажемъ нашимъ въ 15 шагахъ стояла австрійская халупа, гдѣ находился нашъ ротный командиръ поручикъ N..... и баталіонный командиръ капитанъ N.... Вместе съ ними находились ихъ денщики и вѣстовые. Когда непріятель сталъ обстрѣливать халупу, ротный и баталіонный командиры ушли, а остались въ халупѣ ихъ прислуга и вѣстовые; халупу разбило и сожгло, прислуга и вѣстовые были сварадами убиты и сожжены. Утихло. Я прилежъ въ блиндажѣ уснуть и что же вижу?! Идутъ два епископа въ церковь; передній съ золотымъ крестомъ

Еще через четверть часа спасеніе наше было полное. Отрядъ оказался разбѣдомъ донскихъ казаковъ. Они были за шоссе, но, когда раздались выстрѣлы иѣмцевъ, урядникъ разбѣзда, увидѣвъ происходящій у насъ бой, пошелъ на выручку, предполагая, что волки напали на нашихъ санитаровъ.

Дальнѣйшее, конечно, ясно. Мы были доставлены на перевязочный пунктъ, гдѣ Калининъ остался на излѣченіе, а я, плотно закусивши, отправился искать командира N-скаго полка, къ которому у меня была необходимѣйшая надобность.

Вотъ и все. Пусть скептики судятъ какъ хотять:—случай, совпаденіе обстоятельствъ, а я говорю—это сила молитвы горячей, это проявленіе Промысла Божія.

В. Мироновичъ.

„Блаженная Парасковія Ивановна“*) (Паша Саровская)

(Продолженіе).

Черезъ годъ Ирину нашли въ Кіевѣ и арестовали. Вновь явились страданія по тюрьмамъ и этапномъ путешествіи. Но теперь, укрѣпленной духомъ, страдальцѣ Иринѣ не такъ были страшными ожидающія испытанія. Она глубоко вѣрила и надѣялась на Господа Бога. Когда Ирину привели къ господамъ, то они ее встрѣтили грозно и жестоко. Разули и полураздѣтую, безъ куска хлѣба выгнали бѣдную женщину на улицу и строго запретили показываться на глаза. По человѣческому разумѣнію такой поступокъ господъ былъ слишкомъ жестокъ и несправедливъ. Но промыселъ Божій пекущійся о несчастной страдальцѣ, пустилъ это для того, чтобы ей совершенно избавиться отъ жестокихъ господъ, забывшихъ Бога и человѣческое достоинство. Хуже было бы для Ирины, если бы господа ея не выгнали, ибо тогда ей пришлось бы вновь работать у нихъ, не имѣя возможности всецѣло служить Богу. Теперь она свободно и можетъ безпре-

*) См. „Голосъ Долга“ № 1—2 1916 года.

пятственно всею душою предаться подвигу, для духовнаго совершенствованія своей души. Она уже знала отъ Кіевскихъ прозорливыхъ старцевъ волю Божію и отнынѣ вступила на подвигъ юродства ради Христа. Въ глазахъ народа она сдѣлалась помѣшанной, служа поемѣшицемъ для дѣтей и всего сельскаго народа. Расчетливые господа, хотѣли было вновь взять Пашню на работу, но видя ея помѣшательство оставили ее на произволъ судьбы. Въ такомъ положеніи она прожила въ селѣ пять лѣтъ. За эти пять лѣтъ она приучила себя жить все четыре времени года на улицѣ, подготовивъ свой организмъ къ голоду, холоду и зною. Послѣ сего она изъ господскаго села скрылась и неизвѣстно гдѣ находилась неопредѣленное время, а затѣмъ поселилась въ Саровскомъ лѣсу, гдѣ пробыла около 30 лѣтъ, помѣщаясь въ вырытыхъ пещерахъ, которыхъ у нея было вырыто нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ непроходимаго лѣса, населеннаго хищными звѣрями и медвѣдями. Не легкая жизнь была пустыниці въ дремучемъ лѣсу, среди страховъ и ужасовъ наводимыхъ темными духами. Одиночество, ночные страхи, скука, уныніе преслѣдовали подвижницу среди тьмы ночной. Терпѣливо переносила она все искушенія и твердо стояла на своемъ посту—пустыннаго житія. Она подобно Маріи египетской, проводила отшельническую жизнь. Обладая пріятною наружностію, худая, высокая, сожжена солнцемъ, почерневшая, страшная, съ короткими волосами*), босая въ мужской монашеской рубахѣ, свиткѣ растегнутомъ на груди, съ обнаженными руками, съ серьезнымъ задумчивымъ взглядомъ, голубыхъ пронизательныхъ глазъ, она наводила страхъ на встрѣчающихся съ ней. Временами отшельница приходила въ Саровъ, въ Дивѣевъ и въ Саровскую мельницу, гдѣ иногда работала по указанію старцевъ.

Первое время окрестные крестьяне и странники боялись Пашни, какъ помѣшанной, но когда увидѣли ея добрую сострадательную отзывчивость къ горю и бѣдѣ и узнали, что она не помѣшенная, а юродивая о Христѣ подвижница, начали глубоко уважать подвижницу, прося ея молитвъ. Когда же ей приносили нищу и деньги, то она если когда и принимала, то тотчасъ же раздавала все неимущимъ. Въ большинствѣ случаевъ она не принимала народныхъ приношеній.

Въ духовной жизни пустыница руководилась совѣтами Саровскихъ старцевъ и при ихъ опытномъ руководствѣ восходила отъ силы въ силу

*) У Пашни волосы были длинные до земли придавали ей красоту, мѣшали въ лѣсу и несоотвѣтствовали тайному постригу, почему она и остригла ихъ.

возраста духовнаго. Проживъ много лѣтъ въ непрерывныхъ отшельническихъ подвигахъ въ Саровскомъ лѣсу, она стала проявлять даръ прозорливости. Народъ ея полюбилъ, считалъ блаженной и прозорливой. Врагъ рода человѣческаго, желая удалить подвижницу изъ пустыни, внушилъ разбойникамъ напасть на блаженную отшельницу, какъ иѣкогда напали на преподобнаго Серафима. Разбойники думали, что у подвижницы имѣются деньги. Когда злые люди напали на Пашу, требуя отъ нея несуществующихъ денегъ, то она сказала имъ; „нѣтъ у меня денегъ“. Злодѣи не повѣрили словамъ отшельницы, избили ее до полусмерти и она лежала вся въ крови. У нея была проломлена голова и сильно помята грудь. Годъ была она сильно больна и думали, что не перенесетъ мучительной болѣзни. Хотя она при помощи Божіей перенесла эту болѣзнь, но совершенно отъ нея не избавилась до самой смерти. Боли проломленной головы и опухоль подъ ложечкой часто мучаютъ ее, но она терпѣливо переноситъ, а когда боли усилятся, то бывало скажетъ: „Ахъ маменька, какъ у меня тутъ болить! Что не дѣлай маменька, а подъ ложечкой не пройдетъ! Оправившись отъ болѣзни Паша вновь удалилась въ свою любимую пустыню. Ничто ея не могло остановить, ни тяжесть отшельнической жизни, ни опасности отъ злыхъ людей и звѣрей. Лѣсное уединеніе полюбила она, гдѣ она всецѣло углублялась въ молитву и духовно совершенствовалась. Пустыня для Пашы была лучшей школой для сомоусовершенствованія. Здѣсь отшельницу болѣе всего располагало къ богомыслию. Не напрасно говорилъ Псалмопѣвецъ „Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ сурі“ (Псал. 54, 8-9). „Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ*). Сердцѣ мое къ Тебѣ. Слово, да возвысится и да ничтоже усладитъ мя отъ мірскихъ красоть на слабость**“). Видимо старица Парасковія достигла духовнаго возврата, ибо только сильныя и совершенныя въ состояніи противоборствовать бѣсамъ наединѣ и извлекать на нихъ мечъ, иже есть глаголь Божій. Путь пустыннаго безмолвія есть путь мудрыхъ и только тѣхъ, которые въ трудномъ своемъ подвигѣ стяжали Божественное утѣшеніе и бранную помощь. Опытомъ познаваній трудность пустыннаго житія преподобный Серафимъ говорилъ: „живущіе въ монастырѣ борются съ противными силами, какъ съ голубями, а живущіе въ пустынѣ, какъ со львами и леопардами.“

*) антиф. 4 гласа.

***) 1 антиф. 1 гласа.

Въ пустыи у Паши все было тихо, все мирно, тишина и безмолвіе. Постелью ей служила лѣтомъ трава, кровомъ—небо, свѣтильникомъ—луна. Она осѣненная Божественной благодатью не могла останавливаться на точкѣ замерзанія, воодушевляемая невидимой силой Божіей старалась идти все впередъ и впередъ. Она не жалѣла ни здоровія ни силъ для достиженія высшей духовной цѣли, забывая все земное удовольствіе. Но чтобы сого достигнуть требовалось не мало трудовъ, подвиговъ, бессонныхъ ночей, бѣсовскихъ нападений, борьбы съ грѣхомъ. Одному Богу извѣстны все труды и подвиги блаженной Паши въ Саровскомъ дѣвственномъ лѣсу. Какъ мученики, одушевляемые любовью, радостно шли на страданія и смерть за исповѣданіе вѣры въ Господа Иисуса, такъ и Саровская отшельница, одушевляемая горячею ревностію и пламенною любовью къ Богу паходила такой источникъ блаженства, что желала бы до безконечности увеличить свои труды и подвиги.

Монахиня Анна Герасимовна, прожившая 45 лѣтъ вмѣстѣ съ блаженной Христа ради юродивой Пелагіей Ивановной Серебренниковой, рассказывала о общеніи ея съ другими юродивыми такъ: „забѣгали къ Пелагій Ивановнѣ и прочія, бывшіе въ обители, блаженныя рабы Божіи,—такіе же, какъ она дурочка, какъ себя онѣ величали. Разъ напримѣръ зашла, такъ всеми называемая блаженная Паша Саровская. Она потому и называлась Саровскою, что нѣсколько лѣтъ спасалась въ Саровскомъ лѣсу. Взшла и молча сѣла возлѣ Пелагій Ивановны. Долго смотрѣла на нее Пелагія Ивановна, да и говоритъ: „да! вотъ тебѣ-то хорошо, нѣтъ заботы, какъ у меня: вонъ дѣтей-то скѣлько!“ Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказавши ни слова въ отвѣтъ. Спустя много лѣтъ послѣ того, сестра обители нашей Ксенія Кузмицишна, старица прежнихъ Серафимовскихъ временъ, однажды во время обѣдни осталась съ Пелагіей Ивановной и сидѣла на лавкѣ у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагія Ивановна спала. Вдругъ Пелагія Ивановна вскочила, точно кто ее разбудилъ; такъ что старицу Ксенію испугала, бросилась къ окну, открыла его и высунувшись на половину, стала глядѣть въ даль и на кого-то грозилась. „Что такое?“ подумала старица Ксенія и подошла къ окну поглядѣть и видитъ отворяется обительская калитка, что у Казанской церкви и въ нее входитъ блаженная Паша Саровская съ узелкомъ за плечами, направляется прямо къ Пелагій Ивановнѣ и что-то бормочетъ про себя. Подойди ближе и замѣтивъ, что Пелагія Ивановна ей что то таинственное говоритъ, Паша остановилась и спросила: „что, мутушка, или

неидти?“ „Нѣтъ“, говоритъ Пелагія Ивановна. „Стало быть рано еще? Не время?“ „Да“, повторила Пелагія Ивановна. Молча на это низко поклонилась ей Паша и тотчасъ же, не заходя въ обитель, ушла въ ту самую калитку. И послѣ этого года полтора не была у насъ“. „Вотъ онѣ, блаженныя-то какъ разговариваютъ“ говорила Анна Герасимовна,—поди и понимай ихъ, какъ хочешь... А онѣ, дурочки-то, все знаютъ лишь другъ на друга только взглянуть все и понимаютъ. Что же, вы думаете, значили эти тавнетвенные ихъ разговоры? А вотъ что: лѣтъ за шесть до смерти Пелагіи Ивановны явилась къ намъ опять Паша съ какою-то дѣтской куклой, а потомъ еще немного погодя и со многими куклами; нянчиться бывало съ ними, ухаживаетъ за ними, называя ихъ дѣтьми. И стала Паша по нѣсколько недѣль, а потомъ уже и по нѣскольку мѣсяцевъ проживать у насъ въ обители, гдѣ день, гдѣ ночь. За годъ до кончины Пелагіи Ивановны почти весь годъ прожила у насъ. А какъ скончалась Пелагія Ивановна, то осталась даже и совсѣмъ въ нашей обители. Была нѣсколько разъ она у меня и я пробовала предложить ей остаться. „Нѣтъ, нельзя“, говоритъ, „вонъ маменька то не велитъ“, отвѣчаетъ мнѣ, показывая на портретъ Пелагіи Ивановны. „Что это, говорю, я не вижу!“ „Да ты—то говорить, не видишь, а я—то вижу, не благословляетъ!“ Такъ и ушла, и поселилась у клиростныхъ въ корпусѣ!*)).

Еще при жизни преподобной Серафимъ послалъ юродивую Пелагію Ивановну въ Дивѣвскую обитель, дабы она спасла души монашествующихъ отъ патисковъ врага чловѣчества діавола, отъ искушеній и страстей, ей вѣдомымъ, по данному дару прозорливости. Великая подвижница блаженная Парасковія Ивановна, дерзновенно обличавшая своимъ шумомъ неправильныя дѣйствія въ Дивѣвѣ пресвященнаго Нектарія, называли Пелагію Ивановну—вторымъ Серафимомъ. Такъ и Пелагія Ивановна поставила на свое мѣсто Парасковію Ивановну, которая была одного духа съ преподобнымъ Серафимомъ и угодилась ему своими страданіями въ теченіи 30 лѣтъ пустыннаго жительства въ Саровскомъ лѣсу, своимъ строгимъ постничествомъ, жестокимъ истязаніемъ въ міру и избіеніемъ разбойниками. Такова была Парасковія Ивановна ученица великаго старца.

Счастливы насельники Дивѣвской обители, что удостоились жить съ такой великой праведницей, имѣть ее предъ глазами въ назиданіе себѣ и пользоваться ея мудрыми просвѣщенными Духомъ Божиимъ наставленіями.

*) Лѣтопись Серафимо Дивѣвскаго монастыря, Архимандрита Серафима, нынѣ Архіепископа.

Наконецъ пришелъ 1884 годъ, когда по волѣ Божіей Парасковія Ивановна навсегда пришла въ Дивѣвскую обитель. Осенью этого года въ обители обнаружилея имѣющійся у ней даръ прозорливости, прикрываемой иносказательными образами. Шла она мимо Кладбищенской церкви Преображенія Господня и ударила палкой объ столбъ ограды сказала: „вотъ какъ этотъ столбъ-то повалю, такъ и пойдутъ умирать: только посиѣвай могли копать“. Слова эти скоро исполнились: какъ повалился столбъ,— умерла блаженная Пелагія Ивановна, за нею умеръ монастырскій священникъ Феликсъ, а за тѣмъ нѣсколько монахинь, что сорокоуеты не прекращались цѣлый годъ и бывало двухъ одновременно отиѣвали.

Когда скончалась блаженная Пелагія Ивановна, то въ 2 часа ночи ударили въ большой монастырскій колоколь и всѣ сестры клиростныя, у которыхъ жила блаженная Парасковія Ивановна, испугались, думая, что видно въ монастырѣ случился пожаръ. Одна Паша не испугалась, а встала спокойно съ сіяющимъ лицомъ, начала у всѣхъ иконъ зажигать свѣчи. Видя сестеръ въ тревогѣ, она сказала: „Ну вотъ, какой тутъ пожаръ, вовсе нѣтъ, а просто теперъ у васъ свѣжко маленько растаяло, а теперъ темно будетъ“. Парасковія Ивановна поселилась временно въ клиростномъ корпусѣ у Татьяны Никифоровны Сахаровой, прежде-же сего всегда отказывалась, когда ее звали къ себѣ монашеники.

Прошла недѣля послѣ смерти блаженной Пелагіи Ивановны, Паша стала говорить, что ей холодно спать у дверного порога, гдѣ было единственное для нея свободное мѣсто. Тогда ей сказала Татьяна Никифоровна: „Вы попросите матушку игуменію, вѣрно вамъ не откажутъ дать болѣе покойное мѣсто“. Блаженная Паша отвѣтила „Что-же, коли милость ихъ будетъ“. Эти слова были весьма радостны для сестеръ, ибо они сильно желали, чтобы она не ушла изъ Дивѣва. Было немедленно доложено матушкѣ игуменіи Маріи, которая также весьма обрадовалась и тотчасъ-же приказала перемѣстить клиростныхъ и дать блаженной свою собственную небольшую келію. Освободили маленькую келію, убрали, оклеили, все устроили чистенько, поставили постель, комодикъ, столъ и сундучекъ. Повѣсили св. иконы, лампадку, подарили подушку, одѣяло, самоварчикъ, чай, сахару, чашку и все необходимое. Парасковія Ивановна встрѣтила посланныхъ съ вещами на крыльцѣ, радостно сказавъ: „милости просимъ“. Весьма была она рада въ этотъ моментъ. Какъ малое дитя весело восторгалась и расиѣвала, что теперъ у нее свой чуланчикъ.

Наружный видъ блаженной Паши бываетъ не всегда одинаковъ, смотря по настроенію внутренняго духа, то чрезмѣрно строгая, сердитая и грозная, то ласковая и добрая, то горько, горько грустная. Но отъ добраго взгляда ея каждый человѣкъ приходитъ въ невыразимый восторгъ. Дѣтскія добрыя свѣтло-голубыя и ясныя глаза ея поражаютъ настолько, что исчезаетъ всякое сомнѣніе въ ея чистотѣ, праведности и высококомъ подвигѣ. Они свидѣлствуютъ, что всѣ эти странности ея, иносказательный разговоръ, строгіе выговоры и выходки, лишь наружная оболочка, преднамѣренно скрывающая величайшее смиреніе, кротость, любовь и состраданіе. Тому кто испыталъ ея взоръ на себѣ, всегда будетъ помнить этотъ пронзительный взоръ праведницы. Въ дни радостныя и при встрѣчѣ почетныхъ гостей надѣвала цвѣтные сарафаны, на голову чепецъ и крестьянскій платокъ. Лѣтомъ ходила въ одной рубахѣ. При всемъ этомъ, она соблюдала чистоплотность, любила чтобы у нея въ келіи было чисто, прибрано и опрятно. Изъ клироснаго корпуса она была переведена въ нѣсколько помѣщеній, а послѣдніе два десятилѣтія ей устроены особый небольшой домикъ у монастырскихъ воротъ, гдѣ она жила до своей праведной кончины. Хотя у блаженной Паши въ келіи стояла деревянная кровать съ большими подушками, но она рѣдко ложилась на нее, ибо всѣ ночи на пролетъ молилась предъ св. иконами. Изнемогая предъ утро, она ложилась и немного подремлетъ, но чуть будетъ свѣтать, встаетъ, умывается, прибирается, а лѣтомъ уходитъ изъ келіи на чистый воздухъ, гдѣ совершаетъ свои молитвы. Отъ живущихъ съ нею и отъ всѣхъ прочихъ сестеръ она требовала, чтобы обязательно вставали въ полночь и молились. Сама-же она это строго исполняла. Велѣла она также сестрамъ ходить ежедневно въ церковь на общую молитву. Если Паша изъ келіи не ходитъ, то послѣ обѣдни напившись чаю, садится за работу, вяжетъ чулки или дѣлаетъ пряжу, а устами и умомъ творитъ непрестанно Иисусову молитву. Она всѣмъ совѣтовала непрестанно творить Иисусову молитву. Однажды пріѣзжій человѣкъ прійдя къ ней думалъ поближе посѣлиться къ Дивѣву. Блаженная провидѣла его мысль и сказала: „Ну чтожь?—Пріѣзжай къ намъ въ Саровъ, будемъ вмѣстѣ грузди собирать и чулки вязать!“, т. е. нагибаться при собираніи грибовъ,—класть земные поклоны, и чулки вязать—учиться Иисусовой молитвѣ. Она всегда говорила въ иносказательномъ смыслѣ.

Любовь къ уединенію не оставляла Пашу до послѣднихъ дней жизни. Она иногда весной и лѣтомъ уходила изъ келіи на нѣсколько дней въ

полѣ и рощи, гдѣ проводила время въ пламенной молитвѣ и созерцаніи. Посѣщала она сестеръ на послушаніяхъ вдали отъ монастыря, гдѣ соблазны для сестеръ дѣйствуютъ съ большой силой. Она узнавала по своей прозорливости, приходила для наставленія и предостереженія сестеръ отъ предстоящихъ опасностей. Ходила она въ Саровъ и на прежнія свои любимыя мѣста въ Саровскомъ лѣсу. Когда долго не бываетъ дома блаженной Паши, то сестры скучаютъ безъ нея. Такую величайшую любовь питали къ ней всѣ насельницы обители, начиная отъ матушки игуменіи до послѣдней сестры.

Во время своего путешествія Паша имѣетъ простую палку, узелокъ съ разными вещами, серпъ на плечахъ и нѣсколько куколъ за пазухой. Видъ ея, съ кудрявыми сѣдыми волосами и провинцательными голубыми глазами обращалъ вниманіе на всѣхъ встрѣчающихся съ ней. Свою палку она называетъ тросточкой, которой пугаетъ пристающей къ ней любопытной простой народъ, и виновныхъ въ какихъ нибудь тайныхъ проступкахъ. „А гдѣ моя тросточка! Ну-ка я возьму ее!“ скажетъ она разстроенная. Когда же словами не можетъ вразумить человѣка, то она беретъ свою тросточку и бьетъ ей виновнаго. Пришелъ однажды мнимый странникъ и дерзко настаивалъ у келейной Паши, чтобы его приняла блаженная, говоря: передайте ей, что я такой же, какъ она“. Келейница вошла въ келію старицы и сказала „маменька хорошая! тамъ къ тебѣ пришелъ странникъ и велѣлъ передать, что онъ такой-же какъ ты! Велишь пустить?“ Блаженная Паша ничего не сказала, взяла свою тросточку и вышла на крыльцо. Пока странникъ кланялся блаженной, она начала его бить своей тросточкой, приговаривая: „ахъ ты душегубъ, обманщикъ, воръ, притворщикъ“, и прогнала его отъ своей келіи.

Игуменъ Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пусть радуются бѣдные и скорбящіе, которыхъ гнетутъ тяжелыя обстоятельства и обижаютъ злые люди: у Воскресшаго Христа въ Его Царствѣ они будутъ блаженствовать.

Въ эту свѣтоносную ночь радуются всѣ—и ангелы и люди.

Самыя тяжелыя скорби, самое великое горе сегодня теряютъ свою остроту. Даже тамъ, гдѣ страданія и смерть свили себѣ прочное гнѣздо, гдѣ наши братья воины несутъ боевую страду, даже тамъ нынѣ радуются и мужественно умираютъ со словами „Христось Воскресе“ на трепетныхъ блѣдныхъ устахъ. И это радость истинная, чистая, ибо наши стратотерпцы-воины вѣрують въ вѣчную блаженную жизнь; вѣрують также, что ихъ кровь, ихъ страданія, ихъ смерть дадутъ воскресеніе Родинѣ.

Радуйтесь дорогіе наши защитники; Православная Русь земно кланяясь, шлетъ вамъ привѣтъ:

Христось Воскресе!

Будемъ и мы радоваться, возлюбленные братья и сестры. Но чтобы наша радость усугубилась, была полною и стала неизмѣннымъ свойствомъ нашего духа, постояннымъ нашимъ настроеніемъ, необходимо поддерживать, питать ее. Устранимъ все, что мѣшаетъ чистой спокойной радости, что вносить отраву въ жизнь—удалимъ злобу, гнѣвъ, ненавидящимъ насъ простимъ вся вокресеніемъ; воскресимъ въ себѣ любовь, доброту, правдивость. Тогда мы всей душой будемъ чувствовать радость о воскресеніи нашего Господа.

Радуйтесь-же, возлюбленные, и паки реку-радуйтесь! Христось бо возста, веселіе вѣчное! Аминь.

Военный священникъ *Н. Яхонтовъ*.

„Блаженная Парасковія Ивановна“*) **(Паша Саровская)**

(Продолженіе).

Въ келіи у Пашин имѣются куклы, которыя блаженная любитъ, какъ малое дитя. Она ихъ моетъ, обшиваетъ, наряжаетъ и всячески ухаживаетъ за ними, но вмѣстѣ съ сими въ каждомъ дѣйствіи прикрывала свои пред-

*) См. „Голось Долга“ № 3-й 1916 года.

Юрдивля Саровская
Пашинька пролившая в
Серфимо-Див. монастыре.

сказанія. Если приходитъ время какой сестрѣ умереть въ монастырѣ, то она за нѣсколько дней вынимаетъ свою любимую куклу и начинаетъ снаряжать ее какъ покойницу. Предсказала она своими пророческими словами и смерть матушки игуменіи Маріи.

Сѣрпомъ блаженная постоянно жнетъ траву и подъ видомъ этой работы кладетъ поклоны и молится. Если кто придетъ къ ней съ вѣрой изъ гостей, нуждающійся въ молитвахъ, то блаженная прикажетъ угощать, а сама пойдетъ жать траву, т. е. молиться за пришедшихъ. Нажавши траву она не бросала, а всегда относла на конный дворъ. Если посѣтителей ожидали непріятности, то она жала лопухъ, подавала колючія шишки и тому подобное.

Когда она поливаетъ и полетъ огородъ, то творить про себя непрестанную Иисусову молитву. Если она говорить кому нибудь: „ужь я полола, поливала, вездѣ полола“, то это означаетъ, что она молится за этого человѣка. Иногда она жалуется, что не можетъ она одна за всехъ успѣвать молиться, должно обратиться и другимъ, говоря: „Никто не полетъ, никто не поливаетъ, все я одна работаю“. Блаженная не любила праздности и обличала лѣнливыхъ, говоря имъ: „вы вотъ все пьете, да ѣдите, а нѣтъ того, чтобы пойти дѣло дѣлать“. Пробирала она сестеръ лѣнливыхъ и за нечистоплотность и неряшливость: „Это что! Это что! Надо вязать тряпочку, либо щеточку, да все и вымыть, да вытереть“.

Съ приходящими посѣтителеми просящими духовныхъ совѣтовъ и молитвъ, блаженная Паша обращалась не одинаково: однихъ приметъ ласково, усадить, угостить чаемъ, дать сахару, хлѣба, а на другихъ накричить, выгонитъ изъ келия, а нѣкоторыхъ избьетъ своей палкой. Она своимъ просвѣщеннымъ Духомъ Божиимъ, взоромъ ясно видитъ все внутреннее состояніе каждаго.

Мнѣ рассказывали ея келейнице, что когда пришелъ къ блаженной одинъ іеромонахъ, то она приняла его не ласково. Когда онъ просилъ у Пашы съ нея крестикъ, она грозно отказала въ просьбѣ, стала, сняла съ него крестъ и сказала: „Когда вознесешься высоко, тебя съ высоты-то столкнуть и лукъ-то у тебя вырастетъ долгій“. Этими пророческими словами, она предсказала печальную участь, ожидавшую его, ибо онъ впоследствии снялъ священство и монашество.

Любила Парасковія Ивановна иногда посѣщать окрестныя села и деревни. Бывало и почуветъ у крестьянъ къ ихъ безконечной радости. Всегда ходила со своимъ узелкомъ, въ которомъ наложено: огурцы, травка, корки,

горохъ, дѣтскіе рукавички, разныя тряпки, деревянныя крестики, платки и все это перепутано.

Кому предстоитъ семейная жизнь, то она ее уподобляетъ приготовленію кушаній и будетъ говорить: „А ты знаешь какъ надо варить супъ? Сперва очистить корни, скипятить воду, потомъ поставить на плиту, наблюдать за всѣмъ этимъ, по временамъ охлаждать, отставлять кострульку, а то подогрѣвать“. Затѣмъ начнетъ объяснять, какъ необходимо женатымъ людямъ соблюдать нравственную чистоту, охлаждать горячность характера и подогрѣвать холодность и не сѣша, съ умомъ и сердцемъ устраивать свою жизнь.

Въ послѣднее время блаженная Паша въ церковь ходила рѣдко, а своихъ келейницъ посылала каждый день. Она непрестанно молилась у себя въ келіи по Иисусовой молитвѣ, а также знала она наизусть нѣсколько молитвъ. Иногда-же какъ малое дитя молилась своими словами. Любила она Бога, Матерь Божию и святыхъ горячею дѣтскою любовью, иногда кладетъ къ св. иконамъ свои любимыя вещи и украшаетъ ихъ цвѣтами. Царицу Небесную она называетъ „Маменькой“. Бывало начнетъ кого упрекать за грѣхи, то часто говорить такъ: „зачѣмъ обижаешь Маменьку“, т. е. прогнѣвляешь своими грѣхами Божию Матерь. Когда вздумаетъ блаженная Паша пойти въ церковь, то еще накануне особенно омывается и готовится съ большою радостью. Въ храмъ становится на крыльцѣ или у двери, молится съ глубокимъ трепетнымъ благоговѣніемъ, а иногда всю службу стоитъ на колѣняхъ. Любила она исповѣдываться у саровскаго духовника. Приобщалась св. Божественныхъ Христовыхъ Таинъ съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ. Другой разъ по внутреннему своему внушенію вдругъ становится какъ вкопаная передъ св. иконой и пламенно молится, или станетъ гдѣ ниопало на колѣни въ полѣ, въ горницѣ или среди улицы и со слезами будетъ молиться. Бываетъ, иногда ночью вдругъ вскочитъ и скажетъ сама себѣ: „молись“! Съ св. иконами Господа, Божіей Матери и угодниковъ Божиихъ, Паша разговаривала по своему, какъ дитя, у Господа Бога она испрашивала благословеніе на каждое свое дѣло и дѣйствіе. Иногда громко скажетъ: „Надо мнѣ идти“? Или погодить? Иди, иди скорѣй, глупенькая!“ „Еще хорошо ли прошу? Уходи, уходи скорѣй маменька“! „Ушибла я пальчикъ маменька! Полѣчить что-ли? Не надо? Самъ заживетъ“! Такими словами и дѣйствіями, она какъ бы разговаривала съ невидимымъ духовнымъ міромъ. Про себя она всегда говорила въ третьемъ лицѣ:

„Иди Парасковья! Нѣтъ, не ходи! Бѣги Парасковья, бѣги!“! Что касается случаевъ прозорливости блаженной Паши, то таковыхъ такъ было много, что невозможно всё собрать и описать. Положительно она знала каждую мысль приходящихъ къ ней людей и въ большинствѣ случаевъ отвѣчала на мысль, а не на вопросы вопрошающихъ. Въ моменты борьбы ея съ врагомъ чловѣчества діаволомъ, она начнетъ что-то говорить, ломать вещи, посуду, волнуется, кричитъ и бываетъ вся виѣ себя. Былъ случай, что она встала съ утра въ растрескиномъ видѣ, а послѣ полудня пришла къ ней прѣзжая посѣтельница, но блаженная замахала руками и закричала: „уйди, уйди! Неужели не видишь вонъ діаволь! Топоромъ голову отрубили, топоромъ голову отрубили!“! Всё испугалась и не поняла сего инсказательнаго поступка. Вскорѣ послѣ сего звонъ колокола оповѣстилъ о смерти монахини, скончавшейся во время припадка падучей болѣзни; тогда разгадали слова блаженной.

Крестьянская дѣвица изъ села Рузина, Ксенія, пришла къ блаженной Пашѣ просить благословенія на поступленіе въ монастырь. Она говорила: „Вратья мнѣ келью поставятъ.“! На эти слова блаженная громко сказала: „что ты говоришь дѣвка! Надо прежде въ Петроградъ сходить, да веѣмъ господамъ сперва послужить, тогда дасть мнѣ Царь денегъ, я тебѣ какую поставлю.“! Этотъ разъ Ксенія послушалась Паши. Но вотъ прошло нѣкоторое время и братья начали дѣлиться. Тогда она вновь приходитъ къ блаженной и говоритъ: „вотъ братья дѣлятся хотить, а ты не благословляешь! Какъ хотите, а ужъ не послушаю я васъ и поставлю келью.“! Парасковія Ивановна строго посмотрѣла, встала и тревожно сказала: „экая ты дочка глупая! Ну можно ли! Вѣдь ты не знаешь сколько младенецъ то превыше насъ.“! Сказавъ это Паша легла и вытянулась. Ксенія ушла ничего не поняла изъ словъ и дѣйствій блаженной. Пришла осень, умираетъ ея сноха, у которой остается круглая сирота дѣвочка. Тогда только поняла Ксенія слова и дѣйствія Паши и взяла дѣвочку на свое попеченіе оставшись въ міру.

Въ селѣ Аламосовѣ пришла Паша къ священнику, у котораго въ это время по дѣламъ служебнымъ былъ псаломщикъ той же церкви. Вдругъ подходитъ блаженная къ псаломщику и говоритъ: „Господинь! Прошу тебя возьми или принци хорошую кормилицу или няньку какую, потому тебѣ надо, никакъ нельзя, ужъ я тебя прошу возьми кормилицу-то.“! Слыша это священникъ испугался, думая не относится ли это къ

его женѣ. Прошло нѣкоторое время, жена псаломщика, здоровая молодая, скончалась отъ родовъ.

Однажды крестьянинъ сосѣдней деревни ѣздилъ въ монастырь за извѣткой. Покупая извѣтку, онъ взялъ нѣсколько лишнихъ пудовъ извѣтки безъ денегъ. Возвращаясь домой, встрѣчается ему блаженная Паша, которая обличила его словами: „Аль богаче отъ этого будешь, что бѣса-то слушаешь! А ты лучше-ка живи той правдой, которой жилъ! *)“

Предсказала она и настоящую войну за нѣсколько мѣсяцевъ, своими пророческими словами и дѣйствіями. Она вставала ночью и говорила: „солдатики на войну пошли. Маршевали хорошо“, а послѣ этихъ словъ горько плакала. Когда ее спрашивали о причинѣ ея плача, то она скажетъ: „какъ не плакать, вѣдь солдатики горькіе, а люди тѣ всѣ горстями лукъ ѣдятъ“, а сама вновь заплачетъ. Когда началась война, тогда поняли ея слова и плачь. Всюду плачь и горе народное. На вопросъ о текущей войнѣ она говорила: „Богъ насъ любить и не оставитъ. Это дѣло не мое, есть Богъ на небесахъ, а мое мочки двѣ, или три“. А келейнымъ своимъ говорила: „вы бы хоть одинъ пруточекъ связали“. Всѣхъ она просила молиться о успѣхѣ нашихъ дѣлъ на войнѣ. Предъ взятіемъ Львова она встала ночью на молитву, а потомъ сказала: „Государь садись за столъ, станови самоваръ, пей чай и садись обѣдать“. Эти слова означали побѣду. Когда я лично попросилъ ея 11 августа, благословить меня на войну иконой преподобнаго Серафима, то она благословила сказала: „сидитесь обѣдайте“, а затѣмъ еще благословила другой иконой Божіей Матери.

Во время Кіевской эвакуаціи изъ Кіева написала письмо Н. Д. Кондратенко келейной блаженной Парасковіи Ивановны, прося узнать у старицы, нужно ли ей выѣзжать изъ Кіева, блаженная отвѣтила: „помилуй мамонька, что ты Господь съ тобой!“ Этими словами дала понять, что выѣзжать не надо. Затѣмъ была назначена къ эвакуаціи Флоридова пустынь, изъ которой писала знакомая монахиня, такъ же узнать у блаженной, нужно ли уѣзжать? Былъ отвѣтъ такой: „сидь да кушай“, т. е. сиди на мѣстѣ покойно, опасности не предстоитъ. Изъ моей личной бесѣды съ блаженной о войнѣ, я вынесъ такое общее заключеніе: Богъ попустилъ эту войну за грѣхи народа. Насъ Онъ любить и не оставитъ. Будутъ побѣждены вѣншіе и внутренніе враги. Нашъ Царь особый избран-

*) Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря Архимандрита Серафима.

никъ Божій, который, какъ Давидъ, побѣдитъ современнаго Голяфа-Вильгельма. Внутренніе враги, идущіе противъ Самодержавнаго Царя, есть союзники діавола.

Всерадостное событіе рожденіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича есть знаменованіе благодати Божіей и даръ пламенныхъ молитвъ къ Богу Его Августѣйшихъ Родителей совмѣстно съ православнымъ русскимъ народомъ, во время достопамятныхъ Саровскихъ торжествъ за годъ до его рожденія. Это явилось для всѣхъ очевиднымъ, Свышеимъ благословеніемъ Царю и Царицѣ за Ихъ паломнической трудъ и благоговѣнное отношеніе къ церковно-народному прославленію великаго угодника Божія и молитвенника за всѣхъ, Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Серафима Саровскаго Чудотворца.

Это всенародное событіе у Царской Семьи и всего русскаго народа, рожденіе давно желаннаго Наслѣдника Престола Россійскія державы было ранѣе предопредѣлено въ Небесномъ Совѣтѣ и символически было предугаано Государынѣ Императрицѣ въ бытность Ихъ Величествъ въ Серафимо-Дивѣвской обители, блаженной Парасковіей Ивановной при милостивомъ посѣщеніи ея. Посѣтили старицу и Особы Царской Фамиліи, бывшія въ Саровѣ и милостиво съ ней бесѣдовали. Дѣйствительно, проходитъ годъ и рождается всѣми пламенно желанный Наслѣдникъ Цесаревичъ. Какая радость можетъ сравняться съ этой великой радостью для Царя Батюшки и Царицы Матушки и всего русскаго народа. Какъ ясные лучи солнца озарили Державнаго Хозяина земли русской со всѣмъ Его вѣрноподданымъ народомъ. Утѣшительно для всѣхъ особенно то, что Сынъ Царевъ есть плодъ молитвы и особый избранныкъ Божій, предсказанный Свыше до Его рожденія.

Помимо сего о рожденіи Наслѣдника Цесаревича блаженная Парасковія Ивановна предсказала еще въ 1895 году. Когда родилась Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна, тогда тогдашняя казначея монахини Александра, а нынѣ Игуменія Дивѣвской обители, спрашиваетъ блаженную Пашу родится ли Наслѣдникъ Царскій. Блаженная Парасковія Ивановна своими иносказательными словами предсказала, что сначала Богъ дастъ четырехъ дочерей, а потомъ будетъ и Сынъ. Писателю сихъ строкъ пришлось быть въ Дивѣвѣ въ августъ прошлаго 1915 года и лично слышать о семь отъ матушки Игуменіи Александры. Пробылъ я въ этотъ разъ въ Дивѣвѣ съ

10 до 15 августа. Ежедневно посѣщала блаженную праведницу и о многомъ съ ней бесѣдовалъ. Она безпредѣльно любитъ Государя Императора, Государыню Императрицу и Августѣйшую Семью. По ея словамъ Ихъ Величества какъ помазанныки Божіи и Ихъ Августѣйшее Семейство праведное, дорого Господу Богу и Онъ Самъ о Нихъ печется и хранитъ Ихъ. За Государя и Его Августѣйшее Семейство она особенно всегда усердно молилась и бывало скажетъ: „Я Государю цѣлое поле обработала, всю крапиву выжала, поlying выдергала и осотъ выжала“. Эти слова ея означаютъ, что необходимо всѣмъ молиться за Царя ибо Ему Батюшкѣ очень трудно и чтобы Господь Богъ сохранилъ Его отъ злыхъ коварныхъ людей. Блаженная грозно относилась со всѣми нарушителями долга присяги, не имѣющими должнаго уваженія къ Помазаннику Божію — Царю. Она, какъ и преподобный Серафимъ, таковыхъ не принимала и не благословляла. Также съ благоговѣніемъ и любовію относилась блаженная къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Елисаветѣ Феодоровнѣ, какъ къ современной самоотверженной Царственной подвижницѣ и молитвенницѣ за Царя и Его Августѣйшую Семью. Оставилъ я Дивѣевъ 15-го августа, получивъ напутственное благословеніе блаженной праведницы и никогда до гроба не забуду проведенные мной многіе часы, въ теченіи 5-ти дней, въ бесѣдѣ съ Божіимъ челобѣтникомъ^{*)}. Ея послѣднія слова, сказанныя мнѣ при прощеніи „Богъ благословитъ“ и понынѣ звучатъ въ моемъ слухѣ.

Съ начала войны блаженная усиленно молилась и постилась. Она до того исхудала, что трудно было ее узнать, была какъ живой скелетъ. Прежде она была тоже очень худая и только со времени перехода на жителство въ Дивѣево, она стала полнѣе, хотя содержала строгій постъ. Это видимо было поущено Богомъ для смиренія, дабы подъ покровомъ полноты скрывался ея рѣдкій даръ прозорливости.

Парасковіи Ивановнѣ было отъ рожденія болѣе 115 лѣтъ. О послѣднихъ дняхъ ея жизни, послѣ моего отъѣзда, писала мнѣ ея старшая келейница черноризица Пелагія: „можно сказать, что со дня вашего отъѣзда старица Парасковія Ивановна видимо стала слабѣе, почти вовсе не кушала. Мы сначала думали, что она постится за войну, но съ 14 сен-

*) Когда нибудь на другой разъ подѣлюсь своими впечатлѣніями, вынесенными отъ этой незабвенной бесѣды.

тября уже ясно было видно, что она готовится къ смерти. Въ послѣдніе дни она 3 раза приобщалась Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Лежала она тихо не слышно было ни малѣйшаго стона, хотя видно было, что она очень страдала. Все время глядѣла на образъ преподобнаго Серафима, иногда взглянуть на икону Царицы Небесной и что то съ ней говорила нѣсколько разъ, только могли понять: „Папенька возьми меня домой, или Ты Маменька“. Случалось какъ бы манила кого къ себѣ, а иногда какъ бы отгоняла кого-то. Временами бывало лицо ея озарялось необычайной небесной улыбкой и глаза дѣлались свѣтлыми, сіяющими. До самой кончины была въ полной памяти. 14 сентября, когда ей стало плохо, всѣ сестры обители приходили къ ней прощаться, она милостиво позволяла цѣловать руку, кого погладить по головѣ, кого и потреплетъ, но безъ словъ. Когда мы всѣ во главѣ съ матушкой Игуменіей заплакали и спросили: „Маменька, на кого ты насъ оставляешь въ такое трудное время?“ Она отвѣтила: „на Бога“. Намъ стало грустно съ ней разставаться и у всѣхъ ручьемъ лились слезы. Затѣмъ всѣ мы стали просить ее помолиться, она отвѣтила: „за всѣхъ, за всѣхъ помолюсь, кто меня также не забудетъ“. Въ послѣдніе дни и часы своей жизни она все говорила: „Батюшка Серафимъ возьми меня домой“.

Матушка Игуменія Александра сообщая о послѣднихъ дняхъ и кончиѣ Парасковіи Ивановны, писала: „Мамашенька Парасковья Ивановна скончалась тихо, тихо, даже ни однимъ членомъ не пошевельнула и во время болѣзни своей ни одного стона не слышали. Вотъ какая терпѣливица была! Мы всѣ поражались этому. Очень грустно намъ мириться съ этимъ, что лишились мы духовной поддержки въ жизни, которой пользовались отъ блаженной нашей молитвенницы. Это незамѣнимая для насъ утрата, да еще въ такое тяжелое время Господь взялъ ее отъ насъ. Всѣ праведники оставляютъ земную жизнь, а теперь тѣмъ болѣе и такъ трудно, грустно и тяжело. Только тѣмъ себя утѣшаешь, что она, наша молитвенница, духомъ всегда будетъ съ нами и не оставитъ насъ безъ своей молитвенной помощи, ибо теперь она имѣетъ большее дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ. Все таки тяжело и грустно на душѣ, что больше не услышимъ отъ нея мудраго наставленія и вразумленія. Много потрудилась она для пользы людской и тяжелое человѣческое бремя всю жизнь несла на себѣ. Къ ней шли не съ радостями, а несли свои скорби и слезы, и она всѣ людскія страданія переносила на себѣ. Но тяжело и вспомнить батюшка, что нѣтъ съ нами дорогой нашей маменьки. Угасъ нашъ духов-

ный свѣтильникъ и больше такой уже не будетъ у насъ. Она все видѣла и знала, что дѣлалось въ нашихъ душахъ и въ чемъ нуждались мы. Но ничего не подѣлаешь, должны мы покориться волѣ Божіей. Этотъ путь вѣчности для всѣхъ насъ неизбѣженъ“. Безусловно лишились сестры Дивѣева великой рабы Божіей. Многія изъ нихъ лично на себѣ испытали великій даръ ея прозорливости. Закатилось для нихъ красное солнышко, такъ ярко освѣщало путь къ свѣтлому небу.

Игумень **Серафимъ.**

[Окончаніе слѣдуетъ].

Россія и Самодержавіе.

Если въ домѣ худо, когда нѣтъ настоящаго хозяина, который всѣмъ и всѣми распоряжается, уравниваетъ права членовъ семьи, наблюдаетъ правду и миръ, въ случаѣ опасности организуетъ защиту, тѣмъ хуже въ цѣломъ государствѣ.

Изстари Русь, какъ былинка къ солнцу, тянулась къ верховной власти Самодержавной. Ее требовали свойства славянской природы, быть русскаго народа и православное ученіе христіанское, принесенное изъ Греціи.

„Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“, говорили русскіе послы, посланные къ варягамъ, „пріидите володѣть нами“. А черезъ сто лѣтъ послѣ прихода варяжскихъ князей, Русская Земля просвѣтилась св. крещеніемъ и приняла христіанство.

„Бойтесь Бога, Царя чтите“, услышали русскіе слово апостольское и тѣмъ легче усвоили христіанскій взглядъ на верховную власть, чѣмъ онъ родиѣ былъ ихъ душѣ.

Патріархальная семья, родъ, племя постольку были сильны, поскольку твердо и послѣдовательно проводилось въ нихъ начало единовластія и Самодержавія. Христіанство учило, что Богъ на небѣ одинъ, опытъ жизни подтверждалъ, что хорошо, если и на землѣ распоряжается одинъ Вла-

ловѣка въ дни переживаемыхъ тяжелыхъ испытаній, должна быть одна мысль: „лучше всё умремъ на ратномъ полѣ, но не сдадимся. Останемся вѣрными до конца, не щадя души своей для спасенія родной отчизны. Пусть не слова, а дѣла остаются наслѣдствомъ нашимъ потомкамъ. Если мы не побѣдимъ сейчасъ вѣковаго врага, то онъ насъ побѣдитъ, если не теперь, то немного спустя, и мы будемъ обречены на вѣчное рабство, что несравненно хуже смерти“. У насъ теперь не должно быть другой мысли, другихъ заботъ, какъ побѣдить коварнаго врага во что-бы то ни стало. Всякое колебаніе, малодушіе и устройство личнаго благополучія въ эти дни крови, есть тяжелое преступленіе предъ родиной.

Долой всякое такое преступное дѣяніе. Вооружимся мужествомъ, терпѣніемъ и крѣпкою рѣшимостью свято исполнять возложенный на каждого долгъ, безъ малодушія, колебанія и унынія, имѣя своимъ девизомъ: „побѣдить, или умереть“.

Игуменъ Серафимъ.

Петроградъ.

16 Мая 1916 года.

„Блаженная Парасковія Ивановна“ *) (Паша Саровская).

(Окончаніе).

Дѣйствительно, кому въ жизни не приходилось терять близкихъ и дорогихъ людей? Кто можетъ изобразить чувство безпредѣльной скорби, овладѣвающей сердцемъ, когда опускаютъ въ могилу дорогое существо, для спасенія котораго готовы были-бы пожертвовать свою жизнь? Какъ пусть и ничтоженъ въ такія минуты кажется міръ съ всеми его утѣхами! Но можетъ-ли быть сравниваемо чувство личнаго горя, какъ-бы оно ни было сильно, съ тѣмъ горемъ, когда теряется человекъ Божій, которыми не такъ

*) См. „Голосъ Долга“ № 4—5—6-й 1916 года.

часто дарить насъ міръ. Нѣтъ, это утрата тяжелая, утрата не замѣняемая, особенно въ дни грозной бури! Для блаженной-же праведницы смерть явилась благодѣніемъ, она вознесла ее къ Богу, для котораго жила и которому всю свою многолѣтнюю жизнь служила.

Въ послѣдніе дни жизни блаженной старицы, матушка Игуменія находилась неотлучно при ней. За нѣсколько часовъ до кончины 22 сентября, матушка Игуменія отъ болящей отлучалась на короткое время, она-же на нее внимательно взглянула, какъ-бы давая понять, что она уже скоро умретъ, хотя для окружающихъ это не было замѣтно, ибо она была въ одномъ положеніи. Проходитъ часъ, больная все измѣнилась, пришла матушка Игуменія, блаженная ласково взглянула на нее, какъ-бы подавая вѣсть, что она дождалась ее и переходитъ въ невозвратный путь вѣчности. Послѣ сего три раза тихо вздохнула и предала духъ свой Богу, тихо, спокойно, безъ страданія, какъ-бы заснула крѣпкимъ сладкимъ сномъ, послѣ великихъ трудовъ. Душа ея оставила свою земную тѣлесную храмину, отлетѣла въ объятія ангеловъ. Все окружающіе одръ умирающей горько плакали, разставаясь съ дорогой и кѣмъ не замѣняемой наставницы и молитвенницы. Время было 2 часа 30 минутъ.

И такъ, сильнѣй колосъ палъ, подрѣзанный косою смерти и взятъ въ небесную Божію житницу. „Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его“. Тотчасъ было совершено монахинями во главѣ съ матушкой Игуменіей одѣваніе тѣла почившей. Звонъ большого колокола извѣстилъ всѣхъ окружающихъ о преставленіи великой подвижницы, праведницы, молитвенницы. Когда почившая была одѣта и положена на столъ, была отслужена первая панихида о ново преставленной. Съ какимъ душевнымъ скорбнымъ настроеніемъ и слезами молились сестры о упокоеніи новопреставленной, трудно себѣ представить. Былъ плачь неутѣшный.

Въ эту ночь послушница Анна Харитоновна, проживающая въ старомъ Петергофѣ, на подворьѣ Серафимо-Дивѣвскаго монастыря, видитъ сонъ: въ небесномъ пространствѣ, надъ Петергофскимъ подворьемъ, видитъ Матерь Божію, въ такомъ видѣ, какъ изображена Она на иконѣ умиленія, обращенной лицомъ на востокъ, по правую сторону Владычицы стоитъ преподобный Серафимъ въ эпитрахиль, съ прижатой къ груди рукой, а по лѣвую сторону стояла въ бѣлой рубашкѣ, подпоясанная и въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, изъ подъ котораго виднѣлись сѣдые волосы старицы. Какой-то голосъ сказалъ, что это блаженная Парасковія Ивановна, ибо послушница ея никогда еще не видала. Харитоновна будто-бы отъ страха убѣжала на

крыльцо и вновь взглянула на небо видить Ихъ на полдень надъ подворскою церковью. Блаженная Парасковія Ивановна обернулась къ ней, машетъ рукой и говоритъ, „завѣщаю тебѣ, чадо мое, ни кому не говори, что видѣла въ эту ночь, имъ самимъ будетъ возвѣщено“. Послушница въ трепетномъ страхѣ продолжала смотрѣть на таинственное видѣніе, пока оно не скрылось въ раступившихся облакахъ. Послѣ сего она въ великомъ страхѣ проснулась, и не въ силахъ была умолчать, дабы не рассказать о семъ всѣмъ сестрамъ подворья. На подворьѣ пока еще не было извѣстія о смерти блаженной Парасковіи Ивановны. Телеграмму изъ Дивѣва о смерти блаженной Парасковіи Ивановны получили уже послѣ разказа видѣнія послушницы, въ 7 часовъ утра.

Первую ночь тѣло почившей простояло въ своей кельи, а на другой день было перенесено въ соборъ. Похороны были совершены 25 сентября. Накаунѣ въ соборѣ, предъ гробомъ почившей было отслужено заупокойное всеночное бдѣніе, а утромъ заупокойная литургія. Отпѣваніе совершилъ пресвященнѣйшій Іоакимъ, епископъ Нижегородскій и Арзамаскій, съ игуменомъ Саровской пустыни, благочиннымъ монастырей и многимъ собравшимся духовенствомъ. Народу на погребеніе стеклось громадное количество.

Монастырскими священниками были произнесены два надгробныя слова, глубоко запавшіе въ души слушающихъ.

„Возлюбленные братіе и сестры о Христѣ! Какое печальное зрѣлище передъ нашими глазами! Передъ нами лежитъ бездыханное тѣло блаженной Парасковіи Ивановны, которая неустрашимо и безъ лицепріятія всѣмъ говорила правду, не взирая на знатность происхожденія и на богатство. Какъ громъ, поразила насъ смерть истинной матери сего огромнаго семейства. Осиротѣла обитель! Страшный холодъ, глубокая грусть, щемящая тоска охватила всѣхъ насъ; всѣ мы потеряли незамѣнимаго, дорогого, близкаго для себя человѣка. Сердечная боль рветъ и терзаетъ всякаго изъ насъ. Не хочется вѣрить тому, что случилось. Всѣмъ кажется, что этотъ свѣтлый образъ сейчасъ встанетъ и опять мы услышимъ ласковыя, побѣждающія даже безсердечную думу слова. Но нѣтъ! она ушла отъ житейскихъ заботъ, волненій, страданій, нравственныхъ за людей терзаній, которыми была наполнена вся ея жизнь; ушла туда, гдѣ приготовленъ Божиимъ труженикамъ вѣчный покой. Скоро мать сыра земля скроетъ отъ насъ и этотъ прахъ, который мы въ сей моментъ въ послѣдній разъ окружали и неутѣшно плачемъ надъ нимъ. Ея не стало, но обитель не забудетъ ея и не можетъ забыть. Я убѣжденъ: мы всѣ, здѣсь находящіеся и знающіе ее унесемъ

этотъ свѣтлый образъ съ собой, помѣстимъ его въ лучшихъ тайникахъ своего сердца и будемъ хранить во всю свою жизнь. Да, во истину, она была странница на землѣ, гражданка отечества Небеснаго, не имѣя здѣсь ни пристанища, ни источника земныхъ благъ и радостей. Она своими словами, часто загадочными и поступками нерѣдко странными служила для Дивѣва и его посѣтителей живымъ напоминаніемъ о высшей цѣли жизни, обличая однихъ, утѣшая другихъ, исправляя погибающихъ, поддерживая слабыхъ и малодушныхъ, охраняя беззащитныхъ. Испытывая всевозможныя лишения, неизбѣжныя въ скитальческой жизни, она примѣромъ своей жизни призывала христіанъ заботиться о „единомъ на потребу,“ чѣмъ о тлѣнныхъ земныхъ благахъ. Эта добровольная мученица; постоянно умирающая для міра плоти и діавола, ради жизни во Христѣ. Сверхъ сего и даръ прозорливости украшалъ эту подвижницу благочестія. Вотъ какого святого чело-вѣка мы потеряли! Вы, сестры о Христѣ, свидѣтели, какъ ревновала она о спасеніи ближнихъ, каждое слово ея было словомъ любви и назиданія. Встрѣчалось ли у кого какое недоумѣніе, въ частной или общественной жизни, ея благодатный, прозорливый умъ и вѣрный взглядъ на вещи предлагалъ полезный совѣтъ, и недоумѣніе разсѣивалось. Кому она отказывала въ любви и утѣшеніи? Кто отходилъ отъ нея, не утоливъ скорби, не осушивъ слезъ или безнадежной отрады въ сердцахъ? Многіе изъ дальнихъ странъ или письменно просили совѣтовъ ея, или самолично посѣщали ее, будучи обременены различными несчастіями, то семейными, то общественными, то иными бѣдствіями: горькими нуждами, болѣзнями, и она всѣхъ утѣшала, бодрала, укрѣпляла и внушала мужественно противостоять напастямъ и благодушно переносить бѣдствія сей многомязежной жизни. Теперь проститесь всѣ, возлюбленные отцы и братіе и сестры и всѣ собравшіеся на погребеніе сей блаженной матери.

Проститесь! Но оставивъ насъ тѣломъ, она не оставила насъ духомъ, предстоя предъ Господомъ, она будетъ просить у Отца Небеснаго благословенія намъ и всякой милости. Но что я говорю: оставивъ насъ тѣломъ? Самое тѣло ея будетъ покоиться здѣсь, подъ благодатной сѣнью Святой обители, украшенной ея благочестіемъ. Мы будемъ постоянно обращать мысль нашу на мѣсто, гдѣ покоится прахъ ея и въ душѣ нашей всегда будетъ снова оживать воспоминаніе о ея блаженной жизни и тогда наша молитва, одушевляемая воспоминаніемъ о ней, какъ пламенный свѣтильникъ, исполненный чистаго елея, соединится съ ея молитвою о насъ въ небесахъ. Аминь.*)

*) Священникъ І. Смирновъ.

„Вмѣсто послѣдняго цѣлованія, приидите, братіе, и сестры, отдадимъ нашъ поклонъ умершей новопреставленной блаженной старицѣ Парасковіи и помолемся о упокоеніи души ея. Рѣдкіе изъ людей пользуются такимъ почтеніемъ, какимъ пользовалась усопшая, новопреставленная блаженная старица Парасковія, которой гробъ теперь передъ нами.

Издавна пользовавшаяся почтеніемъ за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, болѣе чѣмъ столѣтней жизни ея у нее, можетъ быть, до сотни тысячъ перебивало людей всякаго званія, состоянія и образованія, а сколько народа перебивало у нее мысленно за невозможностью лично побывать, въ нынѣшнюю тяжелую годину для Россіи, въ эту ужасную войну; сколько вѣрующихъ сердець письменно просило ее помолиться о здравіи вонновъ, находящихся на полѣ брани. Всѣ приходили къ ней не только близкіе, но и изъ дальнихъ мѣстъ. Приходили къ ней не за совѣтомъ только и наставленіемъ, а просто такъ только взглянуть на нее, только посидѣть у нея, поклониться ей, получить отъ нея благословеніе. А какое почтеніе къ ней, теперь умершей! Какъ святыню встрѣчаемъ ея гробъ здѣсь, какъ мать родную всѣ стеклись проводить ее въ могилу. Самъ Архипастырь нашъ взялъ трудъ на себя проводить ее въ дальнюю страну. Чѣмъ же заслужила усопшая блаженная старица такое почтеніе? Выросшая въ бѣдности, презираемая невѣрующими господами своими, перенесшая отъ нихъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ столько горя, скорби, страданій и мученій, какъ никто; прожившая почти половину своей долгой жизни въ скитальчествѣ по разнымъ мѣстамъ и дремучимъ непроходимымъ въ то время саровскимъ лѣсамъ, вмѣстѣ съ дикими звѣрями, считавшаяся нѣкоторыми за дурочку, она, по простому разуму человѣческому должна бы быть по вѣсму никѣмъ незнаема, невѣдома. Но Богъ Всемогущій судилъ иначе, она стала извѣстна всей почти вѣрующей Россіи. Такъ чѣмъ же, повторяю, она снискала такое почтеніе у всѣхъ? Часто заставляло прибѣгать всѣхъ къ ней за наставленіями, за утѣшеніями? Думаю, конечно, тѣмъ, что она была человѣкомъ большого ума, далеко видѣла внутрь сердца человѣческаго, была прозорлива и былъ челоѣкъ высокоподвижнической жизни. Въ жизни своей она не сѣяла для плоти: вся жизнь была посвящена для сѣянія въ духѣ. И нѣва души ея была засѣяна чистыми отборными сѣменами пшеницы. Она любила Господа; сама никогда не оставляла молитвы Иисусовой, она заставляла и всѣхъ приходившихъ къ ней всегда прятъ прятю, что значило у нея—молиться Богу. Изъ за любви къ Господу она пренебрегала вѣсму земнымъ—утѣшеній и радостей земныхъ она не знала. Впрочемъ, радостно трепетало ея боголюбивое сердце, появ-

лялась блаженная улыбка отъ явленій природы, которые возвѣщали величіе и славу Творца, мудрость и благость Божию. Любила она восходящее солнце, радовалась на сіяніе звѣздъ, утѣшалась при видѣ молодыхъ птичекъ, любовалась яркими цвѣтами, зеленью и кустами. Любила она сажать и поливать посаженное въ укромномъ уголкѣ близъ ея келіи. Особенно она любила малыхъ невинныхъ дѣтей. Грозная и суровая съ виду для всѣхъ приходящихъ къ ней она моментально преображалась въ ласковую и нѣжную при видѣ дѣтей. Лично для себя она не заботилась ни о пищѣ, ни о жилищѣ. Какъ я раньше говорилъ, что почти половину долгой жизни своей провела она въ скитальчествѣ, не чмѣя всегдѣшняго прибѣжища, ходя зиму и лѣто разутой, почему въ послѣдніе годы ея жизни она сильно болѣла отъ простуды. Въ послѣднее время ея жизни, находилась въ постели, переносила тяжкія страданія и боли, она не произнесла ни единого слова ропота на Бога. Будучи нанутетвована Святыми Тайнами и простившись съ Настоятельницей монастыря, и со всѣми сестрами,—она и сама попросила прощенья у всѣхъ, обѣщавъ помолиться за всѣхъ, послѣ чего черезъ нѣсколько дней, именно, 22-го сентября предала духъ свой Господу, какъ истинная раба и подвижница Божія. Кромѣ своей высокоподвижнической жизни она была одарена и прозорливостью, дальнозоркостью. Она знала, что кому сказать, какъ сказать; знала кого къ себѣ принять, кому отказать; знала когда передъ кѣмъ ей молчать, когда передъ кѣмъ ей говорить. И потому то она и молчаніемъ своимъ говорила поученія помнящимъ Господа и отказомъ своимъ давала вразумленія забывающимъ Его. При такой прозорливости, дальновидности, она всегда, можно сказать, днемъ и ночью имѣла въ мысляхъ своихъ одно это чтобы всякаго приходящаго къ ней чѣмъ-нибудь научить, чѣмъ-нибудь вразумить, чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь утѣшить, успокоить. Оттого то она мало говорила, а больше молчала, слушая и обдумывая. Забывая себя и свое, она зорко всматривалась во все, внимательно вслушивалась всегда для того только, чтобы другимъ полезнѣе сказать, что другихъ повѣрнѣе какъ вразумить, наставить, поскорѣе утѣшить, получше успокоить. Да своимъ забвеніемъ самой себя для другихъ, своей небрежностью къ самой себѣ ради ближнихъ, вотъ чѣмъ она, при своей дальновидности, всѣхъ къ себѣ располагала, всѣхъ привлекала, вѣрить въ себя заставляла.

Братіе, и боголюбивые матери и сестры, если не всё, то очень многіе изъ васъ ходили къ усопшей новопреставленной блаженной старицѣ Парасковіи въ домъ ея—келію, ходите теперь на ея могилку, молитесь здѣсь, молитесь о упокоеніи души ея и Господь за вашу молитву о упо-

коени души ея будетъ васъ успокаивать, утѣшать, вразумлять, наставлять, какъ Онъ успокаивалъ, вразумлялъ и наставлялъ васъ въ домѣ ея келіи. Такъ поминайте рабу Божию новопреставленную старицу Парасковію и ради ея помянетъ васъ Господь. Аминь*).

Отпѣваніе совершалось съ какимъ-то особымъ духовнымъ настроеніемъ, при плачѣ и рыданіи сестеръ обители и народа.

Лежало исхудалое тѣло усопшей во гробѣ какъ-бы живой. Кончилось отпѣваніе. Прочитана разрѣшительная молитва. При громкомъ рыданіи прощаются сестры съ дорогой своей мамашинькой, великой за нихъ молитвенницей. Наконецъ гробъ взяли и понесли къ мѣсту вѣчнаго покоя, до трубы Архангельской.

Вотъ скромный гробъ блаженной старицы благоговѣнно и опустили въ могилу. Похороны были просты, украшены не пышностью, а горькими слезами, но въ этой простотѣ сказывался глубокой смыслъ ея жизни и ея служенія народу. Всѣ собравшіеся отдать почившей послѣдній долгъ, были проникнуты скорбью до глубины души.

Похоронили у собора рядомъ съ блаженными Пелагіей Ивановной и Наталіей Ивановной. Выросъ новый холмикъ, на которомъ поставили деревянный крестъ—видимый знакъ мѣста упокоенія великой молитвенницы за Царя и родную отчизну.

Она ушла изъ сего міра не съ пустыми руками: она приобрѣла здѣсь великій даръ, даръ любви. Жизнь ея кончилась славно, приобрѣтено ею „едино на потребу“. „Блаженіи мертвіи умиравшіи о Господѣ отнынь ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла-бо ихъ ходять въ слѣдъ за ними“.

Блаженна почившая, она нынѣ стяжала уже то, что для насъ лишь далекое жалаіе. Ея невѣдомые міру подвиги, христіанскаго дѣятельнаго благочестія и любви какъ великой женщины нашего дряблага времени будутъ для потомства незабвенны. Она сошла въ могилу, но жизнь ея, украшенная духовной красотой древле благочестиваго вѣка, будетъ для нашего грѣшнаго времени, яркой путеводной звѣздой. Хотя тѣло ея погребено въ сырой землѣ, но имя ея будетъ жить въ роды родовъ. Грядущія поколѣнія будутъ рассказывать объ ея подвигахъ, какъ подвигахъ сильнаго героя богатыря душой.

Игуменъ Серафимъ.

*) Священникъ І. Поллдорскій.